

И.В. Стасевич

ПОЧИТАНИЕ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ В РЕЛИГИОЗНОЙ ПРАКТИКЕ КИРГИЗОВ

Настоящее сообщение является продолжением исследования, начатого в прошлом году на казахских материалах [Стасевич 2011: 46–51]. Экспедиция в Киргизию (Иссык-Кульская, Чуйская, Нарынская, Ошская области), состоявшаяся летом 2011 г., позволила расширить географию исследования темы за счет привлечения полевых материалов по киргизской культуре.

Конечно, выводы автора носят пока сугубо предварительный характер, однако привлечение дополнительного материала, несомненно, могло углубить начатое исследование и провести сравнительный анализ данных, накопившихся по изучаемой теме. Изучение специфики религиозной жизни, мировоззренческих образов и картин позволяет реконструировать целостную систему мировосприятия человека в бесконечной череде смены исторических эпох. Сравнительный анализ дает возможность увидеть и зафиксировать специфику выражения одной и той же традиции у родственных народов в разные исторические периоды и, возможно, наметить пути поиска причин сложившихся отличий в современных формах исследуемой традиции.

Напомню, что традиция почитания природных объектов в религиозной практике казахов рассматривалась нами в русле культа святых мест, так или иначе связанных с именами святых людей (*аулие*), а также с обычаем поклонения духам-хранителям и хозяевам местностей. Последнее проявление традиции для современной казахской культуры неактуально, исламизация достаточно глубоко проникла в эту сферу религиозной жизни. Тем не менее культ святых и в настоящее время играет достаточно важную роль в казахской культуре и стал одним из определяющих характеристик местного (регионального) варианта ислама.

В Киргизии нам удалось зафиксировать противоположную ситуацию: традиция поклонения памяти святых, в том числе и святых предков, не имеет здесь такого ярко выраженного характера, как в Казахстане, при этом почитание природных объектов является широко распространенной религиозной практикой.

Отличается от казахского понимания и трактовка киргизскими информантами понятия *арбак* (*аруақ* — каз.), которое обозначает традиционный для изучаемых культур образ духа умершего человека. Если для казахов *аруақ* — это в первую очередь дух умершего *предка*, обладающий особым статусом, благодаря которому и является заступником живых перед Богом, то для киргизов *арбак* — дух любого умершего человека, включая малолетних детей и самоубийц, то есть и тех, кто умер, по представлению носителей традиции, «неправильной», «несвоевременной» смертью и по определению не может стать посредником в общении между живыми потомками и Богом.

В этом же контексте трактуется киргизами и определение *святости* человека. Полевые материалы, полученные в Казахстане, свидетельствуют, что в традиционном сознании казахов *аруақ* и *әулие* часто выступают как синонимы. Окружающие могут наделить статусом *әулие* человека еще при жизни. В категорию *әулие* в первую очередь входят праведники, имена которых связаны с историей ислама, суфии, основатели и руководители школ и орденов, суфии, принадлежащие к местным ишанским династиям, родоначальники, известные батыры, покровители профессиональных занятий, признанные в народе целители, *ақыны* и даже представители местной аристократии, правители — люди, от рождения наделенные особым даром (*қасиет*).

Главным качеством, по которому умершего относят к категории святых, является оказание помощи живым потомкам. По мнению казахских информантов, именно *әулие* после смерти и становятся *аруақом*. Такое понимание соотношения образов *әулие* и *аруақ* существует до настоящего времени. Практически в каждом ауле есть могила местнотимого святого, причем время жизни святого не является важным определяющим моментом: почитаемый праведник мог жить и несколько сотен лет назад, и уже в современное время на памяти самих жителей поселка. Таким образом и понятие *аруақ*, и понятие *әулие* на казахском материале несомненно соотносятся с культом святых и трактуются в рамках основных категорий этой традиции.

Совершенно иное определение *святости человека* мы имеем на киргизских материалах. Все опрошенные нами информанты считают, что в настоящее время святых людей, которых можно было бы отнести к категории *әулие*, нет. Вот что говорит по этому поводу один из информантов:

«Сейчас святых нет, раньше были, а сейчас таких давно не рождалось, <...> чтобы стать святым, нужно уметь видеть мир, все знать, быть не таким как все» [ПМА, Киргизия].

Немногочисленные могилы праведников, как правило, религиозных лидеров общин, почитаются населением, но по сравнению с массовым почитанием природных объектов данная традиция, несомненно, уступает по степени распространенности, по крайней мере на уровне месточтимых святынь¹ [Стасевич 2011]. Кроме того, почитаемые праведники, как считают сами носители традиции, не являются *аулие*, они лишь приближаются к этому статусу и этим отличаются от обычных людей. По мнению большинства опрошенных нами информантов, поклонение человеку, возведение его в статус *аулие* является грехом, непрекословной святостью обладает только один человек — Пророк Мухаммад.

Складывается впечатление, что даже такие мазары, история которых так или иначе связана с именем определенного человека, который в народе почитается за свои праведные дела, воспринимаются паломниками в первую очередь как места *святых* природных объектов и лишь затем как места, связанные с именами праведных людей. Например, паломники, посещающие мазар Кочкор-Ата в Кочкорском районе Нарынской области, при разговоре с нами не акцентировали свое внимание на месте, каким-либо образом связанном со следами пребывания здесь самого Кочкор-Ата, на истории его жизни или деяниях. При этом искренне уверены, что святым местом является сама гора, именно здесь Бог слышит просьбы верующих и отвечает им. Там, где паломников посещает озарение («является ангел, *касует*»), они сооружают из камней разных форм выкладки. Такие каменные конструкции встречаются как около самой горы Кочкор-Ата, так и за несколько сотен метров от нее.

Другой пример — мазар Чёч-Дёбё, расположенный недалеко от поселка Ат-Баши Нарынской области. Как рассказывают местные жители и смотритель мазара, это место связано с памятью соратника Манаса, известного батыра Алманбета. Однако место захоронения батыра неизвестно, по словам информантов, оно находится «где-то там, в горах». Основной объект почитания — целебный родник. Около него молятся, просят избавления от болезней и несчастий, здесь же неподалеку готовят жертвенную пищу. Дух-хранитель этого места, являющийся паломникам во сне, предстает в виде белого верблюжонка (*ак тайлак*). Сам образ героя, которому посвящен мазар, как бы отходит на второй план, основным объектом почитания оказывается водный источник.

---

¹ В настоящей работе автор сознательно не касается практики почитания мусульманских святынь Киргизии общенационального уровня, таких как Тахти-Сулейман, Арстанбаб, Азрет-Аюб, Софид-Булянд, сравнение традиции почитания месточтимых святынь и святынь общенационального масштаба — тема отдельного исследования.

Один из самых знаменитых мазаров Иссык-Куля — Манжалы-Ата — расположен на южном берегу озера. По сведениям, сообщенным нам паломниками, живущими при мазаре, Манжалы-ата — покровитель святыни, первый, кто принес в эти места исламскую веру. Но основным объектом почитания опять же является не могила праведного человека, а восемь целебных источников, у каждого из которых, оказывается, есть свой покровитель и дух-хозяин (*ата, ээ*).

Нам встретился только один мазар, сочетающий в себе почитание могилы праведного человека и водный источник. Называется это место *Чий* мазар или Камыш-Ата, находится в 15–20 км от поселка Сары-Могол (Алайская долина). Могила оформлена характерным для этой территории способом: кроме ограды имеются шесты с привязанными к ним рогами архаров и хвостами яков. Рядом с могилой бьет родник, который считается целебным. Желаящие излечиться ночуют на мазаре, читают Коран, пьют воду из источника, совершают омовения. Наличие на этом месте целебного источника как бы подтверждает святость похороненного здесь человека. На ограде могилы привязаны многочисленные женские платки, носовые платки, просто ленты, оторванные от ткани или одежды, детские чепчики.

По распространенной легенде, эта могила принадлежит «сильному человеку, ишану, умеющему говорить с *арбаками*». Как рассказывают информанты, раньше эта могила была у дороги, а потом «сама собой» перенеслась на холм, чуть выше от дороги. Почитается этот мазар жителями близлежащих поселков и особенно популярен у женщин, желающих излечиться от бесплодия. По мнению уважаемого в поселке аксакала, похороненного здесь человека можно назвать *эулие*, но при этом он уточняет, что «сейчас святых нет, этот человек жил давно».

Еще раз отметим, что применительно к настоящему времени термин *эулие* используется только для обозначения святых, живших в некоем неопределенном прошлом, судя по нашим полевым материалам — не позже 20–30 годов XX в.

В отдельную категорию мазаров можно выделить почитаемые природные объекты, не связанные напрямую с какой-либо легендарной личностью. Например, высокогорное озеро Сонг-Куль (Нарынская область)², термальные источники «Джылы-суу» («теплая вода») у местечка Чыйырчык (Ошская область), мазар Эгизбак («деревья-близне-

---

² С местностью вокруг озера Сонг-Куль связана одна легенда, согласно ей в этом районе есть камни, на которых якобы когда-то сидели войны Манаса и сам Манас. Однако в общем контексте особого отношения киргизов именно к озеру Сонг-Куль данная легенда не является особенно значимой.

цы») у поселка Чолпон-Ата Иссык-Кульской области, мазар Булак (дословно «родник»), расположенный в Алайском районе Ошской области. Вода из этих источников признается целебной, деревья наделяются силой лечить, давать человеку благополучие.

Имеются и следы почитания таких объектов: как правило, лоскуты ткани, привязанные на деревьях и кустах, растущих неподалеку или на самих почитаемых деревьях. Паломники верят, что в таких «необычных» местах молитвенная просьба будет скорее услышана и принята Богом, чем где бы тот ни было.

Основной отличительной характеристикой подобных святых мест являются их необычные природные качества, которые трактуются носителями традиции в рамках религиозных категорий как подтверждение святости данного места. Например, родник, по словам информантов, «бьет прямо из скалы, разве это не чудо, такого не бывает просто так, поэтому и вода здесь особая, целебная». Деревья-близнецы растут необычным образом, имеют особую окраску коры: «Пятна на них — как глаза человека».

Среди паломников, посещающих *мазары*, большинство составляют женщины. Показательно, что распространенным среди мужчин объяснением термина *мазар* является определение его как места, где молятся женщины, просят излечения от своих недугов. Киргизские женщины, действительно, крайне редко посещают мечети. И не потому, что не считают себя религиозными: сами муллы говорят, что посещение мечетей женщиной нежелательно. Женщины молятся дома, оставаясь, по сути, замкнутыми в рамках домашней традиционной религиозной жизни.

Мужчины в отличие от женщин не отрезаны от «официального» ислама, посещают мечети и часто, следуя наставлениям мулл, осуждают практику почитания святых мест, считая ее противоречащей нормам мусульманской религии. Однако при этом взгляде на традицию мужчины не занимают активной позиции, не запрещают женщинам посещать мазары, видимо, ограничиваясь личностным суждением по этому поводу.

Справедливости ради надо заметить, что не все мужчины придерживаются такого мнения, многие представители сильного пола не просто посещают мазары, но и являются зрителями святых мест (*шайыками*) и не видят в этом нарушения религиозных норм ислама, искренне считая, что исполняют волю Аллаха.

Обычно о предназначении стать *шайыком* человек узнает во сне. Зритель либо живет при святыне постоянно, либо, что случается

значительно реже, живет в поселке и периодически посещает святыню вместе с паломниками, объясняет им суть ритуалов, рассказывает об истории святого места. Паломники верят, что *шайыки* обладают неординарными способностями, умеют предсказывать будущее, исцелять людей, толковать сны. По сути, *шайык* становится избранником духа того места, куда он был призван. Как и целитель, отказавшийся от практики, *шайык*, покинувший святое место, заболевает, испытывает чувство постоянной тревоги.

Обычно *шайыки*, истолковывая причину своего болезненного состояния, ссылаются на посещение их во снах духами-хранителями святых мест, которые требуют вернуться на святыню и выполнять свой долг перед Богом. Способности *шайыка*, как правило, подкреплены династическим даром: каждый смотритель святыни свое избранничество объясняет через проявление передающихся из поколения в поколение способностей вступать в контакт с миром духов, неизменно рассказывает истории о реальных, а возможно и легендарных предках — *шайыках*, *бакиши*, целителях, предсказателях.

Следуя нашим полевым материалам, термин мазар в настоящее время не употребляется применительно к могиле, кладбищу, а используется только для обозначения святого места. До сих пор, хотя и намного реже, как синоним слова мазар употребляется киргизский термин *ыйык жер* («святая земля»).

Некоторые названия мазаров содержат в качестве составляющего слово *ата*, которое в данном контексте может обозначать покровителя святого места. Однако это не значит, что именно здесь находится могила этого легендарного персонажа, просто он выступает как дух-хранитель мазара.

Обряд почитания святого места включает заблаговременную подготовку — омовение, чтение Корана, на самом мазаре вновь читается Коран, но всегда коранические строки дополняются молитвенными обращениями личного характера, содержащими информацию о причине паломничества человека к святыне. Паломники готовят и едят жертвенную пищу (обряд *түлөд*), приносят на мазары свечи (обязательно нечетное число — 7, 9, 21), арчу для окуривания. Круговой обход святыми практикуется, но не является обязательным, так же как и ночевка на мазаре. Но если паломник посещает мазар с целью получить от духа-хранителя этого места совет, то он обязательно проводит на мазаре ночь и затем старается истолковать приснившийся ему сон. Часто за толкованием снов обращаются к смотрителям святынь или к целителю, направившему именно на этот мазар своего пациента.

Лучшими днями для посещения святого места считаются четверг и пятница. Завершается цикл благодарственным жертвоприношением духу мазара через год. С случае исцеления, улучшения жизненной ситуации паломники вновь устраивают обряд *түлдө*, но на эту жертвенную трапезу кроме самих непосредственных участников ритуала приглашаются пожилые соседи, родственники, их дети. Следуя этому обычаю, накормить нужно и тех паломников, которых встретишь в это время на мазаре.

В заключение отметим, что предварительный анализ полученных материалов подтверждает региональную специфику исследуемой традиции, состоящую в том, что культ святых мест в современной киргизской культуре сочетает в себе несколько в диахронической перспективе разноразноуровневых составляющих: обычай почитания природных объектов и традицию поклонения *дулие*.

Библиография

Стасевич И.В. Почитания природных объектов в религиозной практике казахов // Радловский сборник. СПб., 2011. С. 46–51.

Н.С. Терлецкий

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДЕРЕВЕ В КОРАНЕ

Несмотря на универсальный характер образа дерева и, несомненно, крайне архаичные формы его почитания, приход ислама в Центральную Азию, очевидно, привнес в испокон веку практиковавшуюся традицию поклонения силам природы специфические черты. В условиях смены мировоззренческих установок и официального религиозного фона почитание деревьев не исчезло, но обрело новое идеологическое осмысление.

В предложенной вниманию заметке мы остановимся на образе дерева в Коране и сунне как основных источниках, на основании которых существует мусульманская община, которые стали главными руководствами мировосприятия с приходом ислама и которые не могли не вли-